

Николай Лесков

Легенды о совестном Даниле

Николай Семёнович Лесков

Легенды о совестном Даниле

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4721313*

Аннотация

В основу повести положен сюжет древнерусского Пролога. Первая публикация имела примечание автора:

«При обозрении книг древних Прологов, с целью определить содержащийся в них повествовательный материал, которым нынче интересуются, я нашёл в этом старинном источнике ровно сто тем или «прологов», более или менее удобных для литературного воспроизведения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Николай Семенович Лесков

Легенды о совестном Даниле

*Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе
ничего не видит.*

Исидор Полусиот (Письмо к Кириллу)

*Легко тому, чьё сердце не знает сострадания, но
пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет
жестокое мучение и оно начнёт терзать его тогда,
когда он будет уже не в состоянии исправить свою
вину. Огонь геенский, по моему суждению, есть не
что иное, как позднее раскаяние.*

Исаак Сирин (сл. XVIII)

Полторы тысячи лет тому назад на Востоке, близ Синайской горы, жил в маленьком ските молодой человек, по имени Данила. Скит в тогдашнее время не был похож на нынешние русские скиты, где живут монахи, у которых есть храмы и готовое содержание. В старое время на Востоке скитом называли несколько хижин, — чаще несколько пещерок в горе, да вокруг тесное ограждённое место, где ютились три или четыре человека, собравшиеся по единомыслию, чтобы жить вдали от соблазнов. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своих рук. Церквей у них не было и не было

тоже и священников, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали в себе никаких драгоценностей, а располагались они часто близко к самому рубежу крещёной земли, чтобы иметь возможность научать христианской вере «варваров». Варварами называли некрещёных людей, которых было ещё много повсюду. Много их кочевало и в жарких степях близ Синая.

Порубежные скитники от варваров не скрывались, а, напротив, сами искали случая встречаться с ними, чтобы говорить им о благе, которое может миру дать Христово учение. Они старались убедить варваров, что Бог есть Отец всех людей и что воля Его заключается в том, чтобы все люди жили в любви и чтобы никто не делал друг другу никакого зла, а если кого обидают, чтобы он не мстил, но старался бы заплатить за обиду добром и победил зло любовью, ибо только одна любовь обнаруживает зло и побеждает его. Варвары же по дикости своей не понимали и не верили, что все люди равно достойны сострадания и что прощение обид может привести мир на землю. Они надеялись на силу и часто нападали на ближайших скитников, а как скитники были бедны и взять у них было нечего, то варвары забирали самих их к себе в неволю, угоняли в степи и там заставляли пленников стеречь своих коней, ослов и верблюдов, стричь овец и сушить навоз с бурьяном на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тот скит на Синае,

где жил Данила. Сколько здесь было старых людей – они всех перебили, а Данилу, как человека молодого и годного к работе, взяли с собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко в степь, а там приставили его караулить стада от зверей и от хищников.

Данила служил своим пленителям долго, научился ихнему языку и перекочевывал с ними с места на место несколько лет. Он их веру не порочил, а они не мешали ему верить по-своему и, замечая, как он живёт с ними честно, до того в нём уверились, что совсем не стали за ним смотреть, а во всём на него полагались, будто как на своего человека. Данила несколько раз мог бросить порученные ему стада, сесть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потом Данила стал замечать, что варвары как будто стали любить слушать, как он рассуждает по-христиански, и во многих суждениях начали сами и говорить, и делать с ним согласно. Стало Даниле и жить хорошо, и начал он понимать, что он живёт с чужими людьми не без пользы, потому что наводит их на хорошее исследование доброму учению. Но раз прискакал на своем коне один варвар, бывший на рубеже, и объявил, что крещёные прислали через него за Данилу выкуп и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что может вернуться к своим, но как остался он последнюю ночь в степи под шатром, стало ему жалко и варваров. «Вот, – думалось ему, – только что некоторые из них начали было по-доброму рассуждать и

поступать с другими милостивее, а вот я теперь уйду — они опять всё позабудут и обратятся к старинной злобе. Мне бы их беречь в добре, а я ухожу... Ведь это и есть моё дело, для которого я оставил дом и стал жить в ските, откуда пленён был». Но желание жить в обществе своих людей христианской веры всё-таки стало сильнее этих суждений, и Данила решился уйти. А варвары поделили между собою присланный выкуп, дали Даниле тыкву воды и белого пшена и послали двух верховых, чтобы проводить его до рубежа, откуда он без опасения может один идти к крещёным.

Данила благополучно воротился к себе за рубеж и стал жить прежнюю скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: через полгода насккали на их скит другие темнолицые варвары и опять угнали Данилу в плен и заставили его сушить навоз для огня и сторожить овец, коней и верблюдов.

Даниле теперь гораздо досаднее сделалось, чем в первый раз, да и жить ему с этими варварами показалось хуже, потому что с прежними он был уже обвыкшись и они с ним были ласковее, а эти его не знали и не заботились о нём, а показали, что делать, и оставили без присмотра.

Он стал всё больше скучать и рассуждать, что варвары владеют им совсем неправильно, потому что он уже раз выкуплен, и, улучив удобное время, покинул всё, что ему доверено, и убежал. И опять благополучно перебрался за рубеж крещёной земли и пришёл в скит; но варвары скоро его

хватились, вскочили на коней, прискакали к скиту, всю ого-рожу развалили, все пещерки поразметали и старых людей побили, а Данилу опять в плен повели пешим, прицепив его верёвкою за шею к верблюжьему седлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорее поспевал за верблюдом, сзади его ехал молодой варвар и колот Данилу острым копьём в спину. Подвигался Данила немощными ногами, стелая, и на след его по пескам капала его кровь.

Идучи за этим караваном, Данила вспоминал свои два прежние плена и плакал, что ни в первый, ни во второй раз над ним никогда такого свирепого тиранства не было, и почувствовал он в себе против своих мучителей несносное озлобление, особенно против того молодого сильного варвара, который был чёрен как Мури¹ и ехал верхом на вороном коне в самом хвосте каравана и подгонял Данилу копьём в спину.

Поднимался против него в Даниле после каждого поранения такой дух мести, что если бы сила его взяла, то он так бы на этого варвара и бросился и убил бы его.

А озлобляющий Данилу молодой эфиоп всё едет в высоком седле и белыми зубами скрипит, а глазами ворочает и всё Данилу копьём колот.

Привели варвары Данилу на своё становище, где у них шатры раскинуты и большой и мелкий скот пасётся. Тут они

¹ *Мури* – чёрный человек, эфиоп. В некоторых церковных книгах муринами называются также бесы (Иерем. XLVI, 9) (*Прим. автора.*)

слезли с коней, и жёны, и дети к ним из-под шатров выбежали, одни у них стали коней и верблюдов принимать и расседлывать, а другие пшено в котлах заварили, и вот все стали есть и Даниле варёного пшена на лопухе бросили, а сами разговаривают, что надо им это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здесь вокруг трава жаром спалена и скоту голодно.

Данила же, долго жив между варварами, понимал их разговор и думал: «ну, если завтра меня опять идти на ногах погонят, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьют меня мечом или пикою».

Но за ночь вышла перемена: тот самый чёрный варвар, который гнал Данилу, разболелся страшной горячкой, так что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другие сказали:

– Оставим их один шатёр здесь и пленника с ними. Прикуём ему на ногу колодку, и пусть он им тут работает, а жена пусть за мужем смотрит, пока он поправится.

Данила же радовался, что он отдохнёт и раны его хоть немножко заживут.

Так караван и отбыл, а один шатёр остался на старом месте и при нём конь, верблюд и осёл, и при них настороже Данила, а к нему за ногу приклепали на цепи толстое и тяжёлое полено, с которым насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, как и между крещёными, но непросве-

щёнными людьми, есть такие суеверные, которые будто в бога верят, а сами любят примечать приметы и выводить от них причины вещей по своим догадкам. Жене варвара привиделось во сне, будто Данила принёс им несчастье, и она сказала это мужу и детям, и стали вместе ещё жесточе озлоблять Данилу. А напослед эта варварка сказала своему мужу:

– Только ему и жить на свете, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, – то обещаюсь тебе, что я убью этого пленника, который принёс нам несчастье, и зарою его в песке у ног твоих. Это и будет за тебя отомщение.

Данила, как услышал это, так стал думать, что теперь ему делать? Время для размышления было очень коротко, а меч на его погубление близок и отточен на обе стороны. Прошел ещё день, и больному стало хуже, а вдобавок, в шатре не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эфиопка сама не пила и Даниле пить не давала, но при всём том всё-таки к вечеру осталось воды в запасном кубане на самом доньшке. Данилу не хотели послать по воду, чтобы он не ушёл, да он и не знал, где надо искать колодезь, а потому поднялась сама эфиопка. Взяла она горластый муравлений кубан на плечо, а грудного мальчишку подцепила покромкой за спину и пошла к колодцу, а колодезь от шатра был на полдня пути. За собою она повела также ослёнка с пустыми мехами, а за мехами к хвосту посадила на костреце старшую девочку. Данила остался один при шатре, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному

варвару. Больной же метался в жару и гневался без порядка, спрашивая с Данилы то одно, то другое, и прежде чем пленник успевал исполнить один его приказ, он ему заказывал другое наново. Данила и за верблюдом и за конём смотрел, и отмахивал камышовым листом острых жёлтых мух, которые садились на покрытое болезненным потом лицо эфиопа, и пёк для него в раскалённых камнях у поднятой полы шатра катышки из просяной муки. А жар палестинский такой, что и здоровому его нет силы вытерпеть, не только больному, и эфиоп всё просит пить, и когда всю последнюю воду выпил, то стал говорить, будто её выпил Данила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.